

*Бушев А.Б.
Тверской государственный университет, Тверь*

**СЕМАНТИЗИРУЮЩИЙ ТИП ПОНИМАНИЯ В ТЕОРИИ
Г.И. БОГИНА ДЛЯ РОДНОГО ЯЗЫКА**

В своей итоговой книге «Обретение способности понимать»
Г.И. Богин отмечает: «Собственно лингвистическая типология

понимания не предполагает иерархического расположения типов понимания, т. е. типы понимания рядоположены. Однако при обращении той же типологии на ситуацию чтения на иностранном языке в исполнении реального учащегося, лишь овладевающего готовностью читать художественную литературу с глубоким осмыслением, мы сталкиваемся с иерархическим расположением типов понимания текста, с их функционированием в качестве восходящего ряда из трех уровней». Первый уровень – семантизирующее понимание, т. е. «декодирование единиц текста, выступающих в знаковой функции». Этот тип понимания имеет место, по преимуществу, при нарушениях смыслового восприятия текста в условиях овладения иностранным языком (или в условиях усвоения тех или иных его единиц), например, в ситуации, где читателю среди «знакомых слов» встретилось «незнакомое слово», подлежащее семантизации [1].

Приведем пример семантизирующего понимания для текста, включающего архаику или агнонимы. Передо мной бытописательская книга о Петербурге 1890-1910-х гг. – воспоминания старых петербуржцев Д.А. Засосова и В.И. Пызина «Из жизни Петербурга 1890-1910-х гг.». Книга написана в 1970-х гг. представителями той культурной среды, вкусы, манеры, взгляды, привычки которой формировались в Петербурге. Профессионалы. Специалисты – юрист и инженер – выходцы из образованного слоя, начитанные и хорошо обеспеченные своим трудом люди, вспоминают былое. В их воспоминаниях отражены мельчайшие культурно-исторические детали быта тех лет.

Архаизация лексики воспринимается нами как способ бытописания:

*«Реки и каналы Петербурга оживлялись своеобразными контурами лайб. Теперь это слово забыто. **Лайба** – это двухмачтовая или трехмачтовая парусная шхуна небольшого водоизмещения. Посмотришь с Калинкина моста вниз по Фонтанке – целый лес мачт с переплетенными снастями. Бушприты лайб прямо лежали на стенках набережных, которые были завалены выгруженным товаром».*

Красноречиво и описание вагоновожатого тех лет: *«Нелегко было быть вагоновожатым: лошади впрягались в мягкие ременные постромки, прикрепленные к тяжелому **вальку**. Никаких оглобель и дышл не было».*

Архаизация некоторых слов свидетельствует об исчезновении явлений. Профессионализмы, используемые в речи непрофессионалами, говорят об общекультурном и образовательном статусе авторов (*«живорыбный садок», «барочный лес», «баржа на одну воду»* и др.):

«В бочка – соленая рыба, рядом в **окоренках** – икра всевозможных сортов»;

«Во льду у Зимнего прорубалась **майна**»;

«Вдоль них устраивались **шпалерами** гвардейские части»;

«Наводят **плашкоутные мосты**, которые зимовали вдоль набережной».

В виде чего может представить современный читатель «**деревянный ретирад** с навесом для пассажиров»? Сложность семантизации архаизма обнаруживается и в других подобных отмеченному примерах: так, слово «**купальни**» вполне понятно, но в понимании современного человека обозначаемый денотат кардинально отличается от описываемого авторами объекта.

Сюда же относится и **бытовая социология** – интересный пласт мемуаров («водопойка для лошади», «**рассыльные**», «**газетчики**», «**империл конки**»). Характерную картину Зимнего Петербурга, особенно в большие морозы, задают уличные костры, те самые, о которых А. Ахматова писала: «И малиновые костры, словно розы, в снегу цветут».

Создание нового знания требуется и тогда, когда наблюдается невозможность соотнесения десигната и предмета во фразах типа: «На Масленицу появлялся еще один вид пассажирского транспорта – **вейки**».

Многое из мира моды прошедшей эпохи также малопонятно читателю современности:

«На нашей памяти носили **пальмерстоны**. Летом носили пиджак из **альпака**, рубашку **пикейную**»;

«В начищенных **кирасах**, белых **колетах**, при длинных **палашах**».

Семантизации требуют и лексемы, обозначающие старые меры объема («**четверть**», «**сороковка**», «**сотка**», «**мерзавчик**»), а также представителей того или иного вида деятельности: «Для выгрузки барж нанимались особые артели **каталей**, **носаков** и **крючников**. Свою тяжелую работу они даже не мечтали скрасить песней – в Петербурге это было строго запрещено, следила полиция».

Просторечье и **профессиональное просторечье** характерны для создания мемуарной детали: «Лед нарезался **кабанами**» (большими параллелепипедами), «Все весла ставились **'на вале'**», «**Дровни** с удлинненными задними **копыльями** спускались на воду и подводились под **кабан**».

Но не только архаичная лексика нуждается в семантизации. Семантизировать нужно лакуны в лексиконе языковой личности. Известный литератор Игорь Волгин так недавно отзывался о своих

беседах со студентами МГУ (их ответы на экзамене анекдотичны): «В каком году умер Толстой? – Году в восемнадцатом... – Да?! И как же он относился к советской власти? – Он ее... принял». Или: «Отчего умер Пушкин? – Ну, его задушило самодержавие. – Когда? – При Николае ... Третьем».

Главный редактор «Фомы» Владимир Легойда так описывает сцены на вступительных экзаменах в МГИМО: «Назовите, пожалуйста, роман Достоевского. – “Преступление и наказание”. – А еще? – Я только это читал. – Я вам помогу. Очень известный роман. Первое слово “Братья...” – Точно, (хлопая себя по лбу) “Братья Стругацкие”». Ничего не говорят абитуриентам имена Лихачева, Бахтина, Аверинцева, они не знают, кто такие «передвижники», «Могучая кучка». Некоторые абитуриенты считают, что эстафету у Сталина перенял Ленин! У нас нет ни школы, ни семьи, ни книг – таков неутешительный вердикт экзаменатора.

Студент-экономист спрашивает меня: «А у нас есть в городе английский музей? – Это что такое? – Ну, где-нибудь, где картины висят, всяких Шекспиров великих...». Поэт Инна Кабыш пишет о своем ученике: «Мой ученик в сочинении на тему «Актуальна ли комедия “Недоросль” в наши дни?» написал: “Я считаю, что неАктуальна, потому что разве в наши дни есть такие неграММОтные люди?”». На этом фоне в Ставрополе прокуратура изымает из школьных библиотек стихи Есенина и «Лолиту» Набокова. В Краснодаре спектакль «Ревизор» получил ограничение 12+ из-за сцены с подкупом чиновника Хлестакова (якобы оправдывающей противоправное поведение).

На выставке в библиотеке на мой вопрос о лермонтовских местах студентка дает ответ: «Село ... Царское Село...». Прошу назвать хотя бы одного представителя философии Серебряного века – получаю: «Фома Аквинский, Некрасов». На шекспировской выставке в библиотеке спрашиваю: «А где же Морозов, Аникст, Пуришев, Пинский, Шайтанов, Бартошевич?! – Вы специалист по Шекспиру?». Как мало надо знать, чтобы прослыть специалистом по Шекспиру!

Провинциальные французы, например, ничего не смыслят в нашей жизни. Если им сказать, что Берия была женщиной, вам безоговорочно поверят. Скажут: «Надо же, какая Берия красивая была...». Они не знают Пастера, говорят что Париж – серый город. Ну вот и мы стали похожи на провинциальных французов.

В «Литературной газете» № 18 (2014) кандидат исторических наук Ольга Жукова пишет: «Одна из студенток назвала переломным сражением Великой Отечественной войны ‘Бредскую битву’. Видимо, что-то слышала о подвиге Брестской крепости или о новом

одноименном кинофильме. Другая засомневалась: “Сталинград или Бородино?”. Видимо, что-то слышала о фильме Бондарчука. Студент, получив задание приготовить доклад о Рокоссовском, спросил: “А кто это?”». Настоящим героем Бредских битв становится сегодня преподаватель, открывающий дверь в школьный класс или университетскую аудиторию.

Непонимание литературы не оставляет места для понимания жизни. Вызывает опасения и наше понимание социальной ситуации. Сущностными характеристиками современного сознания масс выдающийся социолог Борис Грушин считает: полное непонимание происходящего в стране, потерю базовых ориентиров в жизни, нестабильность реакций и оценок, беспримерную дифференцированность в отношении образов и стилей жизни, утрату доверия к власти, внутреннюю противоречивость и беспрецедентную мозаичность сознания, резкое оскудение и порчу языковых средств выражения имеющегося у масс рационального сознания.

Литература

1. Богин, Г.И. Обретение способности понимать / Г.И. Богин [Электронный ресурс]. – 2000. – Режим доступа: <http://www.fondgp.ru/gp/personalia/1970/6>. – Дата доступа: 29.02.2012.